

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 134–138

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 134–138

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138>

Научная статья

УДК 141.72:140.8

Отрицание материнства как идеологическая основа андроцентристской традиции

Т. А. Кострицкая

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кострицкая Таиса Андреевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, taisakostrikskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Аннотация. Андроцентризм как исходная мировоззренческая установка в значительной степени определяет как содержание классических философских текстов, так и подходы исследователей к их интерпретации. Андроцентризм Запада и Востока покоится на одних и тех же идеологических постулатах. Их выявление и составляет цель данной работы. Способ обнаружения этих постулатов представляет собой последовательный ответ на вопрос: как в принципе возможен андроцентризм, являющийся мировоззренческой позицией, вытесняющей на периферию человечества ту его часть, которая расплачивается собственным здоровьем, болью, а подчас – и самой жизнью за физическое его воспроизводство. Установлено, что в основе андроцентристской идеологии лежит патриархатная концепция рождения, постулирующая важность «семени». Она базируется на трех взаимосвязанных постулатах, по содержанию представляющих собой патриархатные представления о женщине, основывающиеся на отрицании ее как целостного и автономного существа. Это отрицание задает также и структуру «приватной» сферы, определяя таким образом как мировоззрение индивидов, так и устройство общества в целом. Данная работа рекомендуется к ознакомлению тем исследователям и исследователям, которые стремятся осмыслить общество как таковое и патриархатное общество как современную его форму.

Ключевые слова: андроцентризм, материнство, патриархатная концепция рождения, критическая теория, теория общественного договора, женский опыт

Для цитирования: Кострицкая Т. А. Отрицание материнства как идеологическая основа андроцентристской традиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 134–138. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Denial of motherhood as the ideological basis of the androcentric tradition

T. A. Kostrikskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Taisa A. Kostrikskaya, taisakostrikskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Abstract. Introduction. Androcentrism as an initial ideological attitude largely determines both the content of classical philosophical texts and the approaches of researchers to their interpretation. **Theoretical analysis.** It is noteworthy that androcentrism of "West" and "East" rests on the same ideological postulates. Their identification is the purpose of this work. The way to identify them is a consistent answer to the question of how, in principle, is androcentrism possible as an ideological position that displaces to the periphery of humanity that part of it that pays the price with its own health, pain, and sometimes even life itself for its physical reproduction? **Conclusions.** It was revealed that the basis of androcentric ideology is the patriarchal theory of birth postulating the importance of the «seed». It is based on the three interrelated postulates, which in terms of content are patriarchal ideas about a woman which are based on the denial of her as an integral and autonomous being. This negation also defines the structure of the "private" sphere, thus determining both the worldview of individuals and the structure of society as a whole. This work is recommended for consideration by those researchers who seek to comprehend society as such and patriarchal society as its modern form.

Keywords: androcentrism, motherhood, patriarchal conception of birth, critical theory, social contract theory, women's experience

For citation: Kostrikskaya T. A. Denial of motherhood as the ideological basis of the androcentric tradition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 134–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Концепция андроцентризма, впервые обожанная Шарлоттой Перкинс Гилман, обращает на себя внимание российской науки куда реже, чем более известные критики европоцентризма (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и пр.). Как будет показано далее, европейская и восточная традиции в равной степени андроцентричны и, более того, в своих основаниях они андроцентричны одним и тем же образом. Андроцентризм является наиболее универсальным «центризмом», пронизывающим так называемый «философский канон», но до сих пор не было предпринято отдельного исследования, стремящегося выявить основополагающие предпосылки идеологии, лежащей в его основе. Между тем он обладает собственной спецификой, выявлению сущности которой и посвящена данная работа.

Существует большая разница в значении иерархий, формируемых региональным и культурным «центризмами», и иерархии внутри человеческого рода, понимающей под субъектом, индивидом, «человеком» мужчину. Эта разница обусловлена не только тем, что таким образом якобы универсальные категории формулируются без учета опыта и перспективы целой половины человечества, но также и тем, о какой именно половине идет речь. Женская и мужская группы являются базовыми политическими группами в условиях общества, поскольку в руках одной из них находится политически значимая способность рождения, а в руках другой – обеспечение одного из необходимых условий реализации первой группой своей способности.

Человек не рождается в этот мир сам по себе. «Его» не рожают «родители» и «ему» не дарит жизнь Бог. Каждая женщина и каждый мужчина в этом мире получают свою жизнь от матерей, родительниц, которые создают их из себя в течение длительного времени и большой ценой. Контроль над этой способностью – необходимый элемент политического контроля, возможность прямого и непрямого принуждения женщин к ее реализации мужской группой – означает, что и содержание жизней рожденных ими детей также определяет эта группа в соответствии со своей выгодой. Иными словами, положение женщин в принципе является фундаментальным и определяющим в отношении действительной человеческой свободы или в нашем случае – несвободы.

Таким образом, возникает закономерный вопрос: как в принципе возможно на уровне мышления андроцентристское вытеснение половины человечества, которая платит всю цену физического его воссоздания, из центра на периферию?

Теоретический анализ

Способ, с помощью которого осуществляется это вытеснение, заключается в присвоении женской способности рождения мужской группой в форме концепции, которую можно обозначить как доктрина семени. Возможно выделение двух ее форм: классической и современной. Сущность первой отображают слова Аполлона в «Эвменидах» Эсхила, сказанные им в оправдание матереубийства:

«Не мать дитяти, от нее рожденного,
Родительница: нет, она кормилица
Воспринятого семени. Посеявший
Прямой родитель...» [1, с. 183].

В соответствии с более современной версией этой концепции детей «рожают» «родители». В Античности существовали обе эти формы, но вторая проявляется разве что в трудах по естествознанию, в то время как для нас важно, прежде всего, политическое измерение этой доктрины, которое и определяло господствующее мировоззрение. Т. Гоббс же и вовсе сумел объединить обе версии в одном предложении, продемонстрировав отсутствие между ними сущностной разницы: «Что касается рождения, – пишет он, – то Бог назначил мужчине помощника, и всегда имеются двое, одинаково являющиеся родителями» [2, с. 156]. Б. Ротман отмечает, что открытие яйцеклетки как «семени» всего лишь распространило центральный концепт патриархата – утверждение о важности семени – на женщин, не изменив его содержания [3, с. 36].

Предлагаемая нами критика патриархатной концепции рождения опирается на утверждение о том, что создание детей является материальным, физическим процессом, осуществляемым женщинами во время беременности. Очевиден также факт автономии женского организма, который означает, что осуществляемые им процессы осуществляются только им и детерминированы в первую очередь его устройством. Представляется, что данные утверждения не требуют доказательств.

В обеих своих формах (классической и современной) патриархатная концепция рождения основана на метафоре семени, применяемой к процессу человеческого воспроизводства на трех основаниях.

Первое из них постулирует, что женщина не является сложным автономным организмом, но представляется как пустой сосуд, в котором развивается рожденный мужчиной или «родителями» ребенок. Женщина предоставляет «материю», из которой мужчина-плотник создает ребенка при помощи семени (Аристотель), которое и определяет функционирование женского организма на всем протяжении процесса создания: «Женский

пол не порождает сам из себя, ибо он нуждается в сообщающем движении и определяющем начале» [4, с. 86]. «Семя самца ... содержит в себе начало, способное ... производить движение в животном ... семя же самки содержит только материю. Переселив ее, оно приводит ее в свое состояние; будучи побеждено, изменяет в противоположное состояние или ведет к гибели» [4, с. 165]. Женщина по сути объявляется частью мужского тела, что позволяет представить ее способность рождения как его способность.

Второе основание неразрывно связано с первым. Метафора семени, отказывая женщине в физической автономии, в бытии отдельным существом при помощи постулирования ее пустым сосудом, предполагает тем самым вытеснение женщины из человеческого вида. В классической версии женское тело представляет собой поле, которое подлечит «засеванию» «фактическим родителем». Мы можем видеть это в процитированном выше отрывке из произведения древнегреческой литературы, и эту же версию мы встречаем в одном из важнейших памятников древнеиндийской литературы – «Законах Ману», которые «сына считают [принадлежащим] мужу. Относительно виновника [рождения] в священных текстах противоречие: некоторые объявляют [им] фактического родителя, другие – владельца поля» [5, с. 344]. Под «фактическим родителем» подразумевается вовсе не та, кто родила, а тот, от кого она зачала, настоящая же родительница полагается «полем».

Необходимость вытеснения женщин из человеческого рода в рамках метафоры семени и поля объясняет видение женщины как результата отклонения от единой мужской нормы. Женщина по Аристотелю «есть как бы бесплодный мужчина» [4, с. 81], причина существования которого – «несварение и холодность кровяной пищи» [4, с. 165].

Тот же подход встречается и в христианской традиции. С точки зрения Августина Аврелия, жена сотворена «помощницей» в деле деторождения [6, с. 87], а у Амвросия Медиоланского эта мысль повторяется с использованием метафоры земли и семени, «ибо если понять слово помощник в хорошем смысле, окажется, что роль женщины в рождении потомства велика и подобна роли земли, которая сначала укрывает посеянные семена, затем постепенно согревает их своим теплом и наконец порождает всходы» [6, с. 86].

Шарлотта Перкинс Гилман в своей работе, посвященной критике андроцентристской культуры, также приводит некоторые цитаты своих современников, в этом вопросе несколько не ушедших от Аристотеля. По мнению Г. Аллена, «женщины ... даже не половина расы, а

подвид, отобранный только для размножения». Х. Б. Марриотт Уотсон полагал, что «ее [женщины] конституционное беспокойство заставило ее отказаться от тех функций, которые одни оправдывают или объясняют ее существование» [7, с. 21]. Таким образом, часть вида, воссоздающая за свой счет весь вид, вытесняется за его пределы, а само существование женщины, вынужденно признаваясь необходимым, объясняется мужчинами как результат некоего недостатка, отклонение от нормы, наличие которого оправдано только одной «функцией». Обесчеловечивание женщин здесь абсолютно, и не имеет значения, как высоко оценивается важность определенной мужчинами для них роли.

Оба рассмотренных утверждения заключают в себе еще один постулат доктрины семени, достойный отдельного внимания.

Метафора семени, сформулированная на обозначенных основаниях, заключает в себе отрицание существования связи между беременной женщиной и создаваемым ею ребенком, поскольку первая предстает в качестве «утробы», «поля», «земли», а не целостного живого существа, весь организм которого вовлечен в процесс создания себе подобного. Речь идет о первичной и самой тесной связи между живыми существами, наличие которой до сих пор не осмыслено и подвергается отрицанию. Как отмечает Б. Ротман, концепция семени в ходе большого исторического периода определяла видение процесса создания ребенка и в медицине, когда предполагалось, что условия жизни женщины во время беременности, ее питание, режим сна, окружающая ее экологическая обстановка, принимаемые препараты не оказывают совершенно никакого влияния на развитие плода [3, с. 91].

Х. Хайн считает, что на определенном этапе человеческой истории «сельскохозяйственная модель была самой доступной, и вполне разумно, что ее распространили на зарождение человеческой жизни» [8, с. 345], однако обозначенные нами основания этой метафоры нельзя назвать разумными независимо от того, о каком времени идет речь. Характерно, что даже пытаясь осуществить критику оппозиции духа и материи на основе достижений феминистской теории, исследовательница не преодолевает собственную веру в доктрину семени: «Споры о степени участия родителей в создании ребенка абсурдны. Будем ли мы рассматривать ребенка с патриархатной позиции как “одушевленное семя”, посаженное в пассивную почву, или по-другому – как “мертвое семя”, оживленное материнской средой, мы видим, что обе стороны несут значительную ответственность» [8, с. 359]. Реальный, физический

процесс создания ребенка матерью, в котором они представляют собой неразделимое целое, а не «семья» и «среду», таким образом, вновь не мыслится таковым.

Ни один из перечисленных аспектов доктрины семени не утратил своей актуальности. Невооруженным взглядом видно, что практически вся наша лексика, связанная с актом рождения, базируется на идеях, лежащих в ее основе. Избегаемое нами слово «вынашивание» содержит мысль о том, что беременность есть в сущности передвижение с места на место развивающегося независимо от женского организма эмбриона, помещенного в «пустой сосуд» – мать. Феминистская традиция, не являясь автономной, также ни в коем случае не застрахована от подобного мышления. Критическое отношение к андроцентризму как к одному из «центризмов» без учета его специфики позволяет ему проникать даже в теории, изначально нацеленные на его преодоление.

Очевидна также актуальность классической версии доктрины, благодаря которой возможно сразу же по рождении ребенка матерью присвоить ему имя отца в форме отчества. На ней же основано и современное юридическое понимание материнства, а точнее, отсутствие такового и определение матери по образу и подобию отца как ближайшей родственницы ребенка. Как утверждает Б. Ротман, «женщины не получили прав на собственных детей в обществе как матери, они получили их как подобные отцам источники семени» [3, с. 36–37]. Г. Уилкинс же отмечает, что большую часть истории правовая связь матери с ребенком и отца с ребенком была не одинаковой и основанной на гендерных ролях, и только в связи с установлением коммунизма в России эти права и обязанности впервые были определены гендерно-нейтрально [9, с. 23]. Гендерная «нейтральность» в данном случае означает то, о чем писала Б. Ротман: вместо признания материнства женщины получили признание «отцовства», которое базируется на отрицании значимости процесса создания и рождения, физического по своей сути процесса, которому в рамках патриархатного дискурса отказано в бытии в своей сущности материальным. Такое отрицание, в свою очередь, предполагает отказ в значимости женскому здоровью и женским жизням, за счет которых и осуществляется этот процесс.

Реальное единство двух человеческих существ оказывается в этой парадигме наименее значимым, задавая таким образом и ценность человеческих отношений в принципе. Результатом является то, что личные, непосредственные взаимоотношения (например, забота или дружба) не являются признаваемой в обществе основой

крепких межличностных связей, их замещают созданные патриархатным обществом институты (система родства, брак), формулирующие патриархатную «приватную» сферу на основе мужских интересов. Этот момент отмечала и Шарлотта Перкинс Гилман, которая писала, что в человеческом обществе семья (под которой она понимала природное объединение) подчинена интересам мужчин, а не заботе и выращиванию детей, как у животных [7, с. 32]. Аналогия семени указывает и на то, что «родитель» в патриархатном обществе – это прежде всего владелец, поскольку «посеявший» или «владелец поля» не есть сам по себе источник семени, он является тем, кто его присвоил.

Понимание важности этого вопроса уменьшается обратно пропорционально степени андроцентризма теории. К. Пейтман, анализируя теории общественного договора, не раз повторяет мысль о том, что в основе предлагаемого ими обоснования политической жизни лежит присвоение мужчинами способности в одиночку порождать политическую жизнь [10, с. 89]. При этом она подчеркивает связь их понимания политического с принятием ими патриархатной концепции рождения, которую они не ставят под сомнение так же, как и их идеологический противник (патриархализм сэра Роберта Филмера).

Выводы

В отличие от иных «центризмов» андроцентризм имеет универсальное значение. Его наличие в теории означает не только упущение, которое происходит, когда из части делается вывод о целом, но также и присутствие в теории комплекса предпосылок, которые определяют ее содержание. Именно собственная специфика андроцентризма, заключающаяся в отрицании правды о принадлежности активной способности создавать детей исключительно женщинам, имеет важнейшее значение в определении содержания андроцентристской теории и составляет идеологическую основу андроцентристской традиции. Такой фундамент определяет необходимость создания целостной картины действительности, «объясняющей» одни неудобные факты за счет скрытого отрицания других. Следует отметить, что в силу этой специфики андроцентризма «гиноцентризм» как полноценный его аналог попросту невозможен, поскольку «зеркалом» андроцентризма является признание имплицитно отрицаемых им фактов (принадлежности женщин к человеческому роду, материального характера процесса создания детей, автономии женского организма, тесной взаимосвязи беременной женщины и плода) и их значения.

Список литературы

1. Эсхил. Трагедии. М. : Наука, 1989. 609 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
3. Rothman B. K. *Recreating Motherhood. Ideology and Technology in a Patriarchal Society*. New York ; London : W.W. Norton & Company, 1989. 282 p.
4. Аристотель. О возникновении животных. М. : Издательство Академии наук СССР, 1940. 250 с.
5. Законы Ману. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 496 с.
6. Библиейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Т. I : Книга Бытия 1–11. Тверь : Герменевтика, 2004. 304 с.
7. Gilman Ch. P. *The Man-Made World: Or, Our Androcentric Culture*. London ; Leipsic : T. Fisher Unwin, 1911. 269 p.
8. Хайн Х. Освобождение философии : конец оппозиции духа и материи // Женщины, познание и реальность : Исследования по феминистской философии / под ред. Е. А. Баллаевой. М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. С. 338–360.
9. Willekens H. *Motherhood as a Legal Institution: A Historical-Sociological Introduction*. In: *Motherhood and the Law*. Ed. by H. Willekens, K. Scheiwe, T. Richarz, E. Schumann. Göttingen, Universitätsverlag Göttingen, 2019, pp. 21–52.
10. Pateman C. *The Sexual Contract*. Stanford : Stanford University Press, 1988. 264 p.
2. Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil*. New York, Touchstone, 1997. 511 p. (Russ. ed.: Hobbes T. *Leviatan, ili materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*. Hobbes T. *Soch.*: v 2 t. Moscow, Mysl' Publ., 1991, vol. 2. 731 p.).
3. Rothman B. K. *Recreating Motherhood. Ideology and Technology in a Patriarchal Society*. New York, London, W.W. Norton & Company, 1989. 282 p.
4. Aristotle. *Generation of Animals*. Cambridge, Harvard University Press, 1943. 708 p. (Russ. ed.: Aristotle. *O vozniknovenii zhyvotnyh*. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk USSR, 1940. 250 p.).
5. *The Laws of Manu*. London, Penguin Classics, 1992. 448 p. (Russ. ed.: *Zakony Manu*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2002. 496 p.).
6. *Ancient Christian Commentary on Scripture. Old Testament I: Genesis 1-11*. Downers Grove, IL, Inter Varsity Press, 2001. 256 p. (Russ. ed.: *Bibleyskie kommentarii ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I–VIII vekov. Vetkhii Zavet*. T. I: *Kniga Bytiya 1-11*. Tver', Germenevtika Publ., 2004. 304 p.).
7. Gilman Ch. P. *The Man-Made World: Or, Our Androcentric Culture*. London, Leipsic, T. Fisher Unwin, 1911. 269 p.
8. Hein H. *Liberating Philosophy: An End to the Dichotomy of Matter and Spirit*. In: E. A. Ballaeva, ed. *Zhenshchiny, poznanie i realnost: Issledovaniya po feministkoy filosofii* [Women, Cognition and Reality: Studies in Feminist Philosophy]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2005, pp. 338–360 (in Russian).
9. Willekens H. *Motherhood as a Legal Institution: A Historical-Sociological Introduction*. In: E. H. Willekens, K. Scheiwe, T. Richarz, E. Schumann, eds. *Motherhood and the Law*. Göttingen, Universitätsverlag Göttingen, 2019, pp. 21–52.
10. Pateman C. *The Sexual Contract*. Stanford, Stanford University Press, 1988. 264 p.

References

1. Grene D., Lattimore R., eds. *The Complete Greek Tragedies. Aeschylus*. Chicago, University of Chicago Press, 1959. 358 p. (Russ. ed.: Aeschylus. *Tragedii*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 609 p.).

Поступила в редакцию 12.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 12.09.2021; approved after reviewing 25.09.2021; accepted for publication 25.03.2022